Галина Зеленина

«Вся жизнь среди книг»: советское еврейство на пути от Библии к библиотеке

Книгоцентризм еврейской традиционной культуры общеизвестен, и разные его проявления — основополагающая роль Библии для всей еврейской словесности, место библейских штудий в религиозном образовании и значение образования и книжности в социуме, образ и функции свитка Торы в ритуальной практике и др. — хорошо изучены. Данная статья предлагает рассмотреть место Библии, религиозных книг и книг вообще в культуре советского и постперестроечного еврейства конца 1910-х — начала 2000-х годов — культуре угасающего, практически угасшего и возрождаемого иудаизма, в то же время, хотя бы отчасти, культуре формирующейся и утвердившейся советской интеллигенции и, наконец, культуре затаившегося, но ничего не забывшего, скорбного и гордого национального меньшинства. Нашими источниками будут источники личного происхождения (мемуары) и, в основном, «устная история»: несколько сотен интервью с советскими (преимущественно украинскими, но также российскими, белорусскими, молдавскими, прибалтийскими) евреями 1910–1930-х годов рождения, записанные в 1990–2000-х годах[1].

Части этой статьи были первоначально представлены в качестве докладов на конференции «Религиозные практики в СССР: выживание и сопротивление в условиях насильственной секуляризации» (Российский государственный гуманитарный университет, 16–18 февраля 2012 г.) и симпозиуме «Книжность этноконфессиональных культур прошлого и настоящего: методология, методика и практика исследования» (Томский государственный университет, 14—15 июня 2012 г.). Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

1. Коллекции интервью «Свидетели еврейского века» и «Еврейские судьбы Украины», архив Института иудаики (Киев); а также фрагменты коллекций интервью, взятых

«Остатки *идишкайт* теряются где-нибудь в четвертом поколении»

Прежде чем обращаться к упадку иудейской книжности, следует наметить фон этого процесса — описать динамику религиозности советских евреев в довоенные и послевоенные годы. Степень сохранения традиции варьировалась в зависимости от нескольких факторов, прежде всего, от места жительства и поколения. Особняком стоят регионы, присоединенные к СССР лишь перед войной или сразу после войны (Северная Буковина, Закарпатье, Прибалтика) — накануне войны традиции там соблюдались, как на советских территориях за 20 лет до того. Как правило, в городах, особенно крупных, евреи быстрее удалялись от религии и традиции, в местечках традиционный уклад сохранялся дольше. Старшее поколение (бабушки и дедушки информантов), практически без исключений, было соблюдающим: ходили в синагогу, отмечали праздники, чтили субботу, придерживались кашрута, носили традиционные предметы одежды. Поколение родителей информантов, 30-40-летних, демонстрировало некоторое разнообразие в этом отношении; их привязанность к иудаизму зависела как от места жительства, так и от профессиональной среды и от пола — во многих интервью отмечается такое характерное для крипторелигиозных групп явление, как доминирующее женское участие в сохранении религиозных практик: многие респонденты отмечают, что мама была «более верующая, чем отец», что праздниками в доме заведовала она, что традиции они узнали именно от нее (и/ли от бабушки)[2]. Это явление может объясняться как тем, что при постепенном аннулировании публичной сферы (закрытии синагог) традиция уходила в приватную, домашнюю (кухня, праздничные трапезы и т. д.), в которой заправляли

у советских евреев, из The Steven Spielberg Film and Video Archive и архива Frankel Center of Judaic Studies at the University of Michigan, цит. по копиям, хранящимся в архиве Института иудаики (Киев); благодарю Л. К. Финберга за предоставление доступа к этим материалам. Для контекста привлекаются также этнографические интервью, взятые в конце 2000-х — начале 2010-х гг., из Архива Центра библеистики и иудаики РГГУ; благодарю М. М. Каспину за предоставление доступа к Архиву ЦБИ РГГУ. По умолчанию цитируемые интервью относятся к архиву Института иудаики; интервью из архива ЦБИ РГГУ отмечаются специально.

2. См. подобные реплики, например, в следующих интервью: Россинский Михаил Анатольевич, 1926 г.р., местечко Плисков Винницкой обл., зап. 1997 г., Мельбурн; Шмушкевич Михаил (урожд. Рахмиль) Юрьевич, 1913 г.р., Ржищев Киевской обл.; Балан Наум Маркович, 1928 г.р., Одесса; зап. в 2003 г., там же.

женщины, так и тем, что женщины были более лояльны старшим родственникам, прежде всего, своим родителям, и поэтому сохраняли традиции; кроме того, многие матери не работали (информанты старшего возраста, как правило, сообщают, что мать — домохозяйка) и дети гораздо больше наблюдали их поведение, чем поведение отцов, и общались с ними больше.

Были и родители-революционеры, пламенные коммунисты и, соответственно, рьяные атеисты, но даже в целом следующие традиции люди зачастую манкировали теми или иными заповедями, в том числе по экономическим мотивам, и не ставили своей целью прививать традицию детям — в том числе ради их лучшей интеграции в советское общество. Информанты неоднократно вспоминают, что родители их «ни к чему не принуждали»[3], понимая, что «уже время другое, повлиять на судьбу своих детей они уже не в состоянии, потому что они были и морально, и материально деморализованы, и, так сказать, пустили все по воле [...] случая»[4]. Один из старейших информантов рассказывает следующую историю, свидетельствующую о чрезвычайной гибкости его родных:

> У нас была интеллигентная семья, клерикальная, но современная. [...] [Отец] давал свободу, не полную волю и не официально, а так... Закрывал глаза. И мы, все дети, благодарны ему всю жизнь. [...] Подошло к *бар-мицва*[5], к тринадцатилетнему возрасту. Я понял, что я не смогу выполнять все эти обряды, ходить в синагогу, навязывать на руки эти ремешки, так называемые филактерии. [...] Она [бабушка] слышала мою молитву и мою просьбу к Богу освободить меня от этой обязанности [...] А на следующий день, на второй, на третий я вижу, что мне не напоминают об этом, что надо готовиться к *бар-мицва*, нет разговора. И так прошло длительное время — месяца два, три, четыре. А потом я узнал, что бабушка [...] рассказала маме, мама рассказала папе... Во всяком случае, он мне не напоминал все последующие годы, и они мне простили, что я не выполняю обязанностей набожного еврея [...] А я, наоборот, стал большим активистом в трудовой школе...[6]

3. Духан Дина Шуевна, 1910 г.р., Бобруйск.
4. Лимонник Анна Ефимовна (Ханця Хаимовна), 1906 г.р., Тульчин; зап. в Киеве.
5. Достижение мальчиком религиозного и юридического совершеннолетия и соответствующая церемония.
6. Шапиро Натан Иосифович, 1906 г.р., Винница; зап. в 1995 г., Киев.

Образование способствовало секуляризации: еврейские школы, так или иначе знакомившие учеников с традицией, закрылись на протяжении 1930-х годов, и дети продолжили свое обучение в русских или украинских атеистических школах.

Ретроспективно информанты склонны сходу отрицать или приуменьшать религиозность родителей (особенно популярна ремарка «без фанатизма»), хотя из дальнейшего описания, как правило, явствует, что семья была вполне соблюдающей[7]. Уровень соблюдения традиций в собственных семьях многих информантов можно определить как деградирующую промежуточность — между «кошерностью» старших родственников и полной секулярностью детей и внуков (последние, впрочем, особенно в условиях эмиграции, могут вернуться к «кошерности», а то и дойти до «фанатизма»)[8].

Травматический опыт войны и особенно Холокоста укрепил советских евреев в двух противоположных тенденциях: национально-изоляционистской («не забывать» и «держаться своих») и ассимиляционистской; они проявлялись в различных социальных и брачных стратегиях, но уровень соблюдения падал в обоих случаях (за редкими исключениями целенаправленных криптоиудеев, каковыми были, например, хабадники[9]). Вследствие войны и геноцида были уничтожены местечки — дома, синагоги, ритуальная утварь и книги — и вместе с ними местечковый уклад в целом; поредели большие семьи, особенно за счет старшего поколения, наиболее соблюдающего и служащего опорой традиции и при этом наименее способного пережить тяготы оккупации или эвакуации:

> С войной все было потеряно. Это уже было даже после войны, когда не отмечались праздники, уже не было сборов, уже не было всей семьи[10].

7. См., например: Шмушкевич М. Ю.; Бурсук Иосиф Абрамович, 1931 г.р., Черновцы; зап. 2002 г., Черновцы.
8. См., например: Иванковицер Анна Иосифовна, 1930 г.р., Шаргород; зап. 2002 г., Черновцы; Она же. Зап. 2005 г., 2006 г., 2007 г., там же. Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ. Подробнее о довоенном и оккупационном религиозном опыте см.: *Зеленина Г.* «Жиды проводят агитацию»: религиозные практики советских евреев в годы войны//«Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. ст. М., 2012. С. 143-164.
9. См., например, воспоминания пожилых хабадников, записанные Д. Шехтером в Израиле, частично опубликованные в журнале «Лехаим», №№ 4–11 за 2012 год.
10. Гельфер Ида Моисеевна, 1918 г.р., Винница; зап. в 1995 г., Киев.

Во 2-й половине века идентичность поддерживалась общением и браками в своей среде, соблюдением отдельных обрядов[11], солидарностью перед лицом антисемитизма и солидарностью с Израилем (сосуществовавшей с индифферентностью к иудаизму).

В 1990-е годы начинается ренессанс еврейской жизни в бывших советских республиках, но, как правило, он не заключался собственно в возрождении локальных традиций, но в импортировании внешних — израильских, хабадских или иных. Это явление оценивается положительно, но не рассматривается, разумеется, как замыкание цикла и возвращение к довоенному укладу, хотя отголоски последнего сохраняются и, в той или иной степени, интегрируются в новую еврейскую жизнь. Один из информантов, киевский интеллектуал, занимающийся еврейской историей, рефлексировал на тему упадка традиции и поделился своими «ориентировочными подсчетами»: «*Идишкайт* теряется в первом же поколении. Но остатки *идишкайт* теряются где-нибудь в четвертом поколении»[12].

Далее мы рассмотрим деградацию религиозной книжности у советских евреев, проследим, как менялись роль и место Библии и других текстов, безусловно центральных для ортодоксального иудаизма, и что приходило им на смену. Интервью позволяют узнать, кто, с кем и при каких обстоятельствах читал Библию или ее суррогаты, а также что́ из нее вычитывали, или, пользуясь терминологией М. Фуко и Р. Шартье, проливают свет на стратегии и тактики апроприации[13].

«Или Библия, или Евангелие, такая здоровая книга, я уже не помню»

Минимальный набор религиозных книг (Пятикнижие, молитвенник, особые молитвенники на праздники) — атрибут любого традиционного еврейского дома; расширенный корпус религиозной литературы (Танах [то есть Писания и Пророки в добавление к Пятикнижию], Талмуд и более поздние галахические труды)

11. Например, обрезания — обряда чрезвычайно важного в иудаизме, хотя и трудного и опасного в исполнении. См.: *Зеленина Г.С.* «Цирк, который многим стоил жизни»: обрезание у советских евреев и его последствия в годы войны//Религиоведение. 2012. № 2. С. 56-67.

12. Кантор Х., 1933 г.р., Крым; зап. в 1997 г., Киев.

13. См. *Шартье Р.* Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. С. 14, 198 и далее.

— атрибут дома сколько-нибудь образованного еврея. Представители старшего поколения — бабушки-дедушки информантов 1930-х годов рождения или родители информантов 1920-х годов рождения, особенно в несоветских областях, владели и пользовались Библией, и в этом качестве — как часть семейной библиотеки и как предмет чтения и обсуждения старшими родственниками — Библия и другие «святые книги» (*сифрей-кодеш*) зафиксировались в детской памяти информантов:

> У папы была роскошная библиотека, были книги в кожаных переплетах, это что-то невероятное. [...] священные книги! [...] Я их помню: вот такие большие книги, только в кожаных переплетах с золотым тиснением, замечательные[14].

Заметно изменение читательских практик от поколения бабушек-дедушек к поколению родителей и просматривается дальнейшая секуляризация этих практик в поколении самих информантов:

> – У бабушки были религиозные книги.
> – У родителей были светские?
> – Да, у бабушки Бетти были книги различные, она читала очень много. У родителей были светские книги[15].

> Выросши в таких семьях, мои родители, хотя, конечно, говорили по-русски, но они не могли полностью оторваться. Папа был врач, он окончил Киевский мединститут в 1926 году, он садился со своим отцом и они обсуждали, какие медицинские рекомендации есть в Талмуде. Значит, папа знал Талмуд, но до меня это не доносилось[16].

14. Шапиро Н. И.; см. также: Авербух Дебора Яковлевна, 1921 г.р., Меджибож; зап. 2001 г., Киев («Отец был очень образован. У нас до самой войны была великолепная библиотека на древнееврейском языке»); Гальперт Эрнест Ишаевич, 1923 г.р., Мукачево; зап. в 2003 г., Ужгород («Талмуд, весь набор, потом Хумаш, Танах, бездна еврейской литературы у нас была дома»); и в ряде др. интервью упоминания Библии или Танаха, Талмуда как книг, имевшихся в доме (Голуб Марк Григорьевич, 1928 г.р., Киев; зап. после 2000 г., Киев; Садынская Ирина Давыдовна, 1909 г.р., Фрайбург; зап. в 1997 г., Киев, и др.).
15. Авербух Леонид Григорьевич, 1930 г.р., Одесса; зап. 2003 г., Одесса.
16. Кантор Х.

Еще одна функция домашней Библии, отступающая, конечно, от традиционной (поскольку и издания имеются в виду не традиционные, а билингвальные и иллюстрированные), — функция эстетически-развлекательная: Библия как художественный альбом, как красивая вещица:

> Отец приобрел [...] Библию в красном переплете с иллюстрациями Доре [...] Это великолепное издание Библии, на древнееврейском, шрифт древнееврейский и древненемецкий, это даже не русский. Но я выросла с этой Библией, потому что ребенок болел, витаминов же никаких не было, питания не было... Так я как заболею, мне эту Библию на колени кладут, так я помню все библейские сюжеты в исполнении Доре. Иллюстрации Доре, это ж такие великолепные рисунки, что они непревзойденные до сих пор[17].

Некоторые информанты — преимущественно мужчины старшего возраста (1910-х — начала 1920-х гг.р.) — упоминают Танах[18], чаще Тору или Хумаш (Хомеш, Химеш)[19] и Раши[20] как свой школьный предмет. Даже у учивших Тору в хедере библиографической четкости не наблюдается (далее мы рассмотрим случаи изрядной путаницы у более молодых информантов, в том числе женщин) — возможно, вследствие наложения общепринятой христианской номенклатуры (Ветхий Завет, Новый Завет) на традиционную еврейскую (Хумаш, Невиим, Ктувим, Гемара):

> ...бабушка меня отнесла в хедер [...] Я учился еврейскому языку, потом мы читали разные истории из библейского, я так думаю уже после, что это был не Ветхий Завет, это был, скорее всего, свод истории еврейского народа. Я, например, помню до сих пор такую странную историю... [рассказывает сюжет о Содоме и жене Лота][21].

17. Ушеренко Елизавета Моисеевна, 1922 г.р., Киев; зап. в 2002 г., Киев; см. также про Библию как «очень красивую книгу» с «красивыми картинками» в инт.: Кришталь Евгения Григорьевна, 1922 г.р., Изяслав; зап. в 2002 г., Киев.
18. Напр.: Лошак Михаил Цалевич, 1918 г.р., Винница; зап. в 1994 г., Винница; Геллер Евгений Моисеевич, зап. в Нью-Йорке.
19. Шварц Николай Изидорович, 1918 г.р., Виноградово; зап. в 2003 г., Ужгород; Гальперт Эрнест Ишаевич, 1923 г.р., Мукачево; зап. в 2003 г., Ужгород; Шапиро Н. И.
20. Крупник Абрам Янкелевич, 1918 г.р., Новоселица; зап. в 1998 г., там же.
21. Сухенко Самуил Давидович, 1908 г.р., Григориополь; зап. в 2001 г., Киев.

Мальчики из более состоятельных семей, а также девочки не ходили в хедер, а изучали иврит и Тору дома — с меламедом[22], раввином[23] или отцом[24]:

> – *Все в хедер ходили?*
> – К нам приходил ребе, а мальчики обязательно ходили в хедер. [...] А к девочкам приходил ребе. Мне было года четыре-пять, я тоже должна была сидеть за столом, когда приходил ребе [...] с белой бородой. Девочки сидели и учили, а я — под стол закралась и щипала ребе за ноги[25].

Примечательное терминологическое различие: как правило, то, что имели дома и изучали в хедере, — Библию как книгу-кодекс — называют Хумаш (Пятикнижие), а Торой называют свиток Торы, который читали в синагоге. К свитку же вызывали мальчика во время *бар-мицвы* — и это еще один тип детских воспоминаний, связанных с Библией:

> Наступил этот день [...] меня отец повел в синагогу, я надел *тфилн* на голову (это кубик такой), второй на руку, и вот замотал на левую руку ремешком, короче говоря, вынули Тору, и я громко на всю синагогу прочел [...] Вот такой был обычай. Мое взросление[26].

Но чаще — особенно в случае женщин (девочки не ходили в хедер, а приглашать домой ребе бедные семьи не могли) и более молодых информантов (2 пол. 1930-х гг.р., когда еврейские школы были закрыты) — Библия познавалась в устной передаче от родителей или дедушки и бабушки. Бабушка вообще во многих интервью выступает главным если не носителем — им может быть и дедушка, — то транслятором традиции для внуков (как правило, дольше живет и теснее общается с детьми и внуками):

22. Марьясис Леонид Шапсович, 1928 г.р., Бендеры; зап. в 2002 г., Львов; Клейман Исай Давидович, 1931 г.р., Водрашков; зап. в 2003 г., Черновцы.
23. Перетятько Геня, 1920 г.р., Одесса; зап. в 1998 г., Бруклин.
24. Шор Анатолий Петрович, 1922 г.р., Бершадь; зап. там же.
25. Гельфер И. М.
26. Чеповский Мирон Ильич, 1909 г.р., Киев; зап. в 2000 г., Киев. См. также: Шор А. П.; Бурсук Иосиф Абрамович, 1931 г.р., Черновцы; зап. 2007 г., Черновцы (архив ЦБИ РГГУ).

> Папа рассказывал много историй из Библии, сказки, анекдоты...[27]

> Бабушка молилась, Библия у нее лежала. Дедушка все знал. Если я у него спрашивала, например: «Дедушка, расскажи мне про Самсона и Далилу», — он мне все рассказывал. Он же мне это не по опере рассказывал, а на основании священного писания, Танах. Он все знал[28].

> Она мне всегда рассказывала, я к ней в постель — она больше лежала. [...] Библия, она наизусть знала эту Библию. Плохо уже видела. Я маму спрашивала: «Мама, ведь бабушка не видит. Как она каждый день молится, смотрит в Библию и читает?» Мать говорит: «Нет, она просто наизусть уже знает все слова»[29].

В устной передаче Библия претерпевает некоторые тенденциозные изменения, которые можно обозвать атеизацией — из соображений безопасности:

> Они нам рассказывали какие-то сказки, истории [...] даже что-то из Библии рассказывали, но очень осторожно, очень осторожно. [...] Они не акцентировали наше внимание на том, что это Библия, что она собой представляет, что есть Бог, то се. Об этом речи не было[30].

Говоря о традициях, праздниках, этических нормах, информанты зачастую видят источник оных в Библии, что иногда верно, иногда не верно, но почти всегда не базируется на знании текста:

> В Библии пишется: идет человек и просит у тебя милостыню. Не имеет значения — еврей, русский, цыган, молдаван. Все равно нужно дать[31].

27. Рысина Анна Григорьевна, 1926 г.р., Лютиново; зап. 2008 г., Брянск. Архив ЦБИ РГГУ; см. также о «библейских легендах» в исполнении отца в инт. Гельфер И. М.
28. Рапай-Маркиш Ольга, 1929 г.р., с. Чангар Запорожской обл., зап. в 1998 г., Киев; см. также: Гутник Бася, 1920-х г.р., Киев.
29. Довгалевская Клара Лазаревна, 1914 г.р., с. Триполье Киевской обл.; зап. в 2001 г., Киев.
30. Пинчук Юрий Климентьевич, 1930 г.р., Шпола; зап. в 1998 г., Винница; см. также др. воспоминания о том, как Библию пересказывали «в качестве то ли сказок, то ли историй»: Розенберг Римма Марковна, 1928 г.р., Одесса; зап. в 2003 г., Одесса; Шеришевский Лазарь Вениаминович, 1926 г.р., Киев; зап. после 2003 г., Москва.
31. Фример Мойше Хаймович, 1926 г.р., Хотин; зап. в 2011 г., Черновцы. Архив ЦБИ РГГУ.

> Еврейские имена дают по имени родителей или близких [...] это закон, произвольных имен не дают, это записано в Торе[32].

Мы видим, что Библия, к которой возводятся различные традиции и поверья, служит универсальным «легитиматором». Есть и обратная ситуация: библейские сюжеты рассказываются без ссылки на Библию, а постбиблейские (агадические) — без ссылки на мидраши и прочие источники, а просто как подлинные истории. Обе ситуации представляются адекватными для сообщества, где Книга сохраняет свой авторитет, но теряется близкое знакомство с ней и контроль «книжников» за познаниями «паствы»[33].

* * *

В деградирующем иудаизме советских евреев лучше сохранялись те или иные ритуальные, особенно кулинарные, практики (тщательно воспроизводилось праздничное меню), чем практика чтения и изучения Писания. Это объясняется как утратой самих книг — в огне войны и Холокоста, а также в результате переездов (как в эвакуацию, так и по мирным — работа, учеба, служба — поводам), так и забвением языка, и, кроме того, доминантной ролью женщин в домашнем подпольном соблюдении и передаче традиции: женщины в иудаизме, как известно, не участвуют в публичном чтении Торы и не обязаны ее изучать (по мнению некоторых авторитетов, это даже воспрещено), равно как и учить древнееврейский язык. Пресловутая «женская» позиция выражена, например, в следующем высказывании, принадлежащем, правда, довольно молодой информантке:

> – Какое значение для вас имеет Тора? [...]

32. Гитман Рувим (Григорий Владимирович), зап. в 2009 г., Черновцы. Архив ЦБИ РГГУ. Редко встречаются знатоки (очевидно, из числа тех, кто успел походить в хедер или еврейскую школу или занимался с раввином на дому), различающие Тору и постбиблейскую традицию и сообщающие, что та или иная практика «в Торе не указана» — ее «раввины придумали» (Гурфинкель Лазарь Михайлович, 1924 г.р., Хотин. Архив ЦБИ РГГУ).

33. Или для общества, где велик разрыв между «народом» и «книжниками». Фольклорное бытование библейских сюжетов («народная Библия») хорошо изучено в славянской среде (см., напр.: *Белова О.* В. «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды. М.: Индрик, 2004) и в последние годы изучается в ходе экспедиций в бывшие *штетлы*.

> – Не знаю. Тора для меня — это что-то сияющее. [...] какое для меня может быть значение? Я не читала в оригинале. А если бы и прочла, откуда я знаю, поняла бы я? У меня просто есть достаточное чувство. Мне кажется, что ощущения какие-то верные, на интуитивном уровне. А знаний нету. [...] Хотя для еврейки, говорят, вполне достаточно быть хорошей женой, матерью, и она уже попадет в рай. Мужчинам сложнее[34].

Но неверно думать, будто эта позиция универсальна для советских евреек, тем менее — для их матерей и бабушек. Бабушки, как уже говорилось, неоднократно упоминаются как источник глубоких познаний в Библии, полученных путем чтения, а не устной передачи традиции; иные бабушки читали и Талмуд. В следующем примере — описании двух бабушек — примечательна дифференциация книжной религиозности, сопряженной с большой набожностью, и простого (механического?) соблюдения:

> Мамина мама, бабушка Этл, никогда не расставалась с Талмудом. Была очень набожна. А бабушка Хайка всегда соблюдала все еврейские традиции, но особой набожности не наблюдалось. Но традиции соблюдались обязательно[35].

Женщины (равно как, впрочем, и мужчины), не знающие древнееврейского языка, пользовались особыми Библиями с переводом на идиш — *тайчхимеш*[36]:

> ...у нее был молитвенник, называлось *тайчхимош*, там было и по иврит и тут же перевод на идиш, первая верхняя половина была — иврит, а нижняя половина — идиш. Ну естественно, дети, а нас было уже двое [...], сели вокруг нее и слушали ее молитвы, а молилась она вслух. И поэтому до юности я запомнила содержание этих молитв, это было со дня сотворения мира, и я надолго, надолго запомнила в своей жизни вот те образы, со дня сотворения мира — история Адама и Евы, и сыновей их, и так вплоть до Моисея, а потом уже история исхода[37].

34. Касавина Елена, 1952 г.р., Киев; зап. в 1997 г., Киев.

35. Жорницкий Ефим Шойлович, 1919 г.р., Тульчин; зап. в 2002 г., Одесса.

36. Тайч (немецкий язык, потом идиш, а также толкование на идише) + Химеш (Пятикнижие). Переводы на идиш книг Танаха и молитвенников были сделаны еще в раннее Новое время; идишский перевод включал в себя еще и комментарий, отсюда слово *тайч* приобрело соответствующее значение.

37. Лимонник А. Е.

Девочки, родившиеся в 1920-х годах, до повсеместного закрытия еврейских школ в середине 1930-х успели там поучиться и почерпнуть какие-то познания в Библии — в том числе нетривиальным путем: инсценировали библейские сюжеты[38]; некоторые даже вспоминают, что учили в Талмуд-Торе «святые Пятикнижия»[39] или «по блату» попали в хедер (начальную школу для мальчиков):

> Там было кроме гимназии... была прогимназия [...] и была еврейская школа для бедных детей. Когда вот заварилась война, так отдавать меня в прогимназию не было возможности, нужно было много платить. Отдавать меня в еврейскую бедную школу — меня не хотели принимать. Получилось так, что для прогимназии — я недостаточно богатая, а для еврейской школы — я недостаточно бедная. Таким образом, ни в какую школу я не могла попасть, а мне уже было восемь лет. Тогда решили отдавать меня в хедер, потому что для таких набожных людей, чтобы дети вовремя не получали образования, это была такая большая трагедия, куда там. Но в хедер-то девочек не брали, только одни мальчики ходили. Но благодаря тому, что в синагоге у отца были хорошие приятели, влияющие на этих меламедов, они повлияли на него, чтобы меня зачислили в этот хедер еще с одной девочкой, чтобы я не была одна. Но с одним условием: чтоб нас не били...[40]

* * *

Одним из симптомов забвения «святых книг» становится утрата названий. Соответствующие термины — Танах, Хумаш, Гемара — употребляет меньшинство информантов, как правило, те, кто учился в хедере или еврейской гимназии, а также дети раввинов. Некоторые информанты помнят (например, благодаря идишскому фольклору, песням) и употребляют эти слова, но не помнят их правильного значения:

38. «Ставили живые картины, картинки, на иврите. Хоть мы иврит не знали, но насколько я понимаю, это библейская история. Потому что детей обшивали... из бумаги, бумажными платьями, и веночки сплетали из разноцветных бумажных цветов [...] моей радости предела не было» (Лимонник А. Е.).

39. Нисман Сура-Дора, 1912 г.р., Оргеевский р-н.

40. Лимонник А. Е.

> Очень образован в этом отношении, он [отец] знал Танах, это, это высшее учение, так. Это даже философское какое-то учение, Танах[41].

> – Когда-то были ребе, они учили ивриту, учили Геморе, Хомеш. Дома, в хедере.
> – А что такое Геморе?
> – Геморе — это молитвы.
> – И еще что-то вы сказали. Геморе и что?
> – Хомеш. [...] Это то же самое. Это еврейские молитвы Богу. Это тоже история, это библейские истории. Есть такая песня [...] Мать поет колыбельную песню ребенку. Спи, мой мальчик, мой младенец. [...] Скоро ты уже в хедер пойдешь и будешь учить Хомеш и Геморе, и ты уже жених, ты уже жених, а ты лежишь в мокрой...[42]

> Помню, ребе Янкл, который со мной изучал. [...] Я научился читать, [...] и затем перешел уже на изучение перевода, химеш — это означало переводить[43].

На место оставленной в детстве Торы с ее разнообразными подзабытыми названиями встают различные суррогаты — источники знаний как о библейской истории, так и о еврействе в целом. Во-первых, Евангелие:

> Когда мне минуло восемь лет, отец решил, что мне нужно знать русский язык. И меня отправили в церковно-приходскую школу. [...] Страницы из Евангелия я читал, и я пристрастился к Евангелию. Я стал хорошо учиться, знал Евангелие, и сейчас хорошо знаю, и позже я учил Евангелие. И Евангелие меня привело к атеизму. (*Смеется.*)[44]

> В советские годы я не читал Библию, не читал. Но меня могли поразить слова, их стройность, емкость. Когда начинаешь Библию, там:

41. Лейбович Полина Яковлевна, 1924 г.р., Кишинев; зап. в 2004 г., Кишинев.
42. Герман Эсфирь Борисовна, 1922 г.р., Ростов-на-Дону;
43. Дриз Яков Абрамович, 1937 г.р., Томашполь; зап. в 2002 г., Киев; см. также инт. Шора А. П., который тоже затрудняется объяснить, что такое Химеш, который он проходил в хедере.
44. Сухенко С. Д. Это не стандартный случай, но и не исключительный: несколько информантов упоминают приходские школы как базис своего или родительского образования.

> «В начале было Слово», понимаете? Это уже настолько емко, многозначительно, глубоко, музыкально сильно...[45]

Во-вторых, еврейские «классические» тексты — Шолом-Алейхем, Бабель и анекдоты:

> В отношении Торы я знала только по рассказам Шолом-Алейхема. О кашруте, который в нашем доме никогда не соблюдался, я знала только по анекдотам[46].

> Не было мыслей отказаться от своего происхождения, но знали очень мало. Жена с трудом доставала книги Бабеля, чтобы почитать. Никих живых предков не осталось, чтобы рассказать, хотя бабушка моей жены немножко нас просвещала[47].

Пересказы Библии, прежде всего, авторства Зенона Косидовского, а также «библейские» романы доступны были только интеллигентной городской публике:

> Убежденный атеист, С.Г. знал Пятикнижие и, между прочим, порицал Томаса Манна за его чересчур смелое обращение с Торой в «Иосифе и его братьях». Он не любил ни этот роман, ни «Мастера и Маргариту». Я обеими книгами упивался, но возражать не посмел, поскольку тогда еще Библию не читал и, пожалуй, даже не видел, а моими источниками библейской истории были Эрмитаж и популярная книга Зенона Косидовского «Библейские сказания», 1963 год. (Между прочим, в те годы достать Библию было очень непросто. В книжных магазинах она не продавалась.)[48]

«Абонируюсь в трех библиотеках»

Место религиозной литературы постепенно занимает, начиная с 1930-х годов, литература художественная (русская классика, зарубежная беллетристика), а на место эталона если не ор-

45. Туровский Михаил Саулович, 1933 г.р., Киев; зап. в 2001 г., Киев.
46. Трахтенбройт Берта Соломоновна, 1924 г.р., Одесса; зап. в 2002 г., Одесса.
47. Гонопольский Симон Нусиевич, 1927 г.р., Одесса; зап. в 2003 г., Одесса.
48. Мазья Владимир Гилелевич, 1937 г.р., Ленинград; воспоминания «Детство, юность, отрочество и молодость» (рукопись).

тодоксального, то традиционного поведения заступает эталон «культурности», обязательно включающей в себя культ чтения, «начитанность». Не столько по хронологии, сколько по смыслу промежуточным — между Библией и Пушкиным (или Жюлем Верном) — чтением служила еврейская секулярная, художественная литература, в том числе на идише: Шолом-Алейхем, Мойхер-Сфорим и др. Эти книги на идише читали и собирали старшие родственники:

> Она [бабушка] была, в общем, интересная женщина. С ней можно было о многом поговорить, потому что она много читала. [...] И читала она разную литературу, в том числе и еврейскую литературу. Там, конечно, Шолом-Алейхем, Бялик, Фруг и т. д.[49]

> Мой папа, как только появились новые еврейские книжки на идиш, он сразу же начал их покупать. Хотя это было для него немножко небезопасно, потому что он был начальником отделения окружного госпиталя и за ним, конечно, следили. [...] Даже он, может быть, не всегда их читал. Но как так? Есть еврейская книжка, советская, а у него в доме ее нет?[50]

Общеизвестна народная «статистика», согласно которой книги Шолом-Алейхема были непременным атрибутом любого мало-мальски интеллигентного[51] советского еврейского дома. Наши источники подтверждают любовь к этому главному писателю советских евреев, но надо заметить, что в любом мало-мальски интеллигентном советском еврейском доме непременно были книги и другого автора — А. С. Пушкина. Можно сказать, что Пушкин — по своей значимости, по роли главной книги в доме, по традиции оказываться на первом месте в любом книжном списке — занял место Библии. Пушкин неизменно входит в состав длинных описаний домашних библиотек, возглавляя список из русских

49. Розенберг Р. М.

50. Кантор Х.

51. Сложно более четко и объективно определить эту группу, так как культурный уровень не всегда адекватно отражался в профессиональном и социальном статусе — как из-за жизненных трудностей, объяснимых в том числе войной, так и из-за антисемитской дискриминации при получении образования и приеме на работу; приведем лишь один пример несоответствия: А. Е. Лимонник, по профессии машинистка, описывает свой круг чтения во многих абзацах и выражается словами типа «паритет» и «индифферентный».

и советских классиков (Толстой, Некрасов, Чернышевский, Короленко, Куприн, Горький и др.) и популярных зарубежных романистов (Вальтер Скотт, Дюма, Сенкевич)[52], но часто упоминается в одиночку, как любимый автор, или на пару с Толстым (главный поэт и главный прозаик) или Лермонтовым (два главных поэта); Пушкина учили наизусть целыми поэмами и — в отсутствие книг — в устной трансляции, как и Библию, передавали детям:

> – Пушкин любимый [автор]...
> – Какое произведение?
> – Все мне у него нравилось[53].

> Ну, моя мама очень хорошо помнила наизусть Лермонтова, Пушкина. И вот книг не было, и так это я воспринимал на слух[54].

Как отмечалось, повсеместная пушкинизация литературных вкусов в довоенном Советском Союзе — явление не случайное, а искусственно сформированное, и свойственное далеко не только евреям. «Мифология незримого присутствия Пушкина в СССР конца 1920-х — 1930-х гг. ("Пушкин — участник нашей жизни, нашей культурной стройки") вполне сравнима с аналогичными формами сакрализации Ленина. [...] Пушкин — глава сонма русских поэтов, мученик, погибший "в борьбе с самодержавием", один из покровителей новой Советской России»[55]. Но в случае с евреями особенно очевидна замена: Пушкина цитируют по ключевым — в рассказе и жизни — вопросам; то есть он, в роли главного референтного источника, заменяет традиционную Тору. Информант попал в лагерь для военнопленных и сначала находился в амбаре, который мог рухнуть в любой момент, оттуда его вытащили в колонну, где приказали снять штаны и чуть было не изобличили как еврея, но не успели, поскольку амбар рухнул и все побежали к нему:

52. См., например: Фельдман Виктор Семенович, 1915 г.р., Одесса; зап. в 2003 г., Одесса; Горен Мотел, 1932 г.р., с. Тишла Черновицкой обл.; зап. в 1998 г., Хотин.

53. Кляйман Феня Ароновна, ок. 1929 г.р., Черновцы.

54. Зальцман Яков Рафаилович — в инт.: Бронштейн Хана Давыдовна, 1919 г.р., Жмеринка; зап. в 1995 г., там же; про знание Пушкина наизусть см. также: Жорницкий Е. Ш.; Шеришевский Л. В.; Духан Д. Ш.

55. *Панченко А.* А. Спиритизм и русская литература: Из истории социальной терапии//Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М., 2005. С. 539.

> Не было бы счастья, да несчастье помогло. Потому что когда эта вся крыша рухнула на раненых, конечно, там расчавило каждого, кто под бревно попал. А я в цей час був, наче ж там могли расстрелять, мог быть и под крышей раздавленный, так нет же ж надо, как Пушкин писал: «Судьба Онегина хранила...» и так далее...[56]

Пушкина как представителя пантеона и в то же время «участника нашей жизни» пытаются привязать к своей семейной истории: «Подумать только, Пушкин уже жил в Кишиневе тогда. А моя прабабушка уже родилась. Связующая цепь времен»[57]. Томик Пушкина как самую дорогую книгу вывозят в эвакуацию — Пушкина, а не Тору, которая, как мы удачно узнаём, в библиотеке данной информантки тоже наличествовала:

> Нам от отца осталась очень хорошая библиотека. Она погибла во время войны. Единственное, что сохранилось — это том Пушкина, который я взяла с собой в эвакуацию. Он потом вернулся со мной в Одессу. [...] Мама Яши Шихтмана, однокурсника моего брата, подарила мне перед войной Библию. Причем, там одна сторона текста была на русском языке, другая — на древнееврейском[58].

Преклонение перед Пушкиным и хорошее знание его поэзии маркировало процесс вхождения наших героев и их родителей в ряды русскоязычной интеллигенции — российской, затем советской. При этом предмет чтения не всегда оказывается важен — это может быть русская, советская или зарубежная классика, а может быть приключенческая литература, политэкономия[59] и даже пресса[60] — важна сама культура чтения: регулярная читательская практика, начатая в раннем детстве, объем прочитанного («начитанность»), наличие книг дома, посещение библиотек, информированность о литературных новинках; все это, в частности, отличало городского интеллигента от местечкового еврея

56. Серебряков Леонид Борисович (урожд. Вольф Каган), 1922 г.р., Тараща; зап. в 1998 г., Херсон.

57. Молодецкий Борис Григорьевич, 1921 г.р., Одесса; зап. в 2003 г., там же.

58. Трахтенбройт Б. С.

59. «...[Муж] попал в компанию, еврейскую кстати, пьяниц, жил в каком-то подвале, койку имел, но он целыми днями сидел в библиотеке и изучал марксизм-ленинизм» (Духан Д. Ш.)

60. «Она [бабушка] не работала, но была очень начитанным человеком. Она читала газеты без очков до последнего года своей жизни» (Розенберг Р. М.).

с акцентом[61]. Вот лишь несколько из десятков деклараций любви к книгам и приверженности запойному чтению:

> ...я читала с 4 лет. Я научилась читать, когда лежали газеты на подоконнике, и я сама научилась читать, читала по-русски, по-немецки[62].

> ...я уже следила за теми писателями, которые мне нравились, то ли прозаики, то ли поэты, я следила за их творческой деятельностью и за теми произведениями, которые были опубликованы для широкой публики[63].

> Мать читала очень много. Брат доставал такие уникальные книги, не знаю, где он выменивал. [...] Брат себе приделал батарейку и лампочку и читал под одеялом, потому что родители возражали против чтения. Читали мы запоем, читали очень много[64].

> Когда я еще в школе училась, я очень много читала, я вообще много читаю. Литература — это моя среда обитания[65].

Эпитет «начитанный» нередко встречается при описании информантами себя или своих родственников, упоминание пристрастия к чтению идет второй, если не первой характеристикой, даже если их всего две. Например:

> Он [дед] занимался каким-то предпринимательством, я знаю одно, что он был *начитанным*, пользовался авторитетом, был советчиком для всех. [...] [Бабушка] эта небольшая, очень деятельная. *Начитанная*. [...] [*Расскажите о маме.*] Много *читала*. Внешне была симпатичной. [...] Одежда была скромная такая, но были удовлетворены жизнью. Я никогда не помню дома нытья, было много *книг*, *читали* много[66].

61. Пример такого отмежевания от местечковости: «Были такие сотрудники, очень... из местечек. На них лежал отпечаток местечка. Но все-таки они достаточно культурные были, только внешность их выдавала, и немножко акцент» (Духан Д. Ш.).
62. Розенберг Р. М.
63. Лимонник А. Е,
64. Авербух Д. Я.
65. Гольдбаум Шифра Сальевна, 1919 г.р., Черкассы; зап. в 1997 г., с. Геронимовка.
66. Гонопольский С. Н.

С одной стороны, этот культ чтения и являлся, и воспринимался как наследие еврейской книжности — и на личном, семейном, и на культурном уровне: еврейская религиозная традиция требовала (якобы) всеобщей грамотности, последняя порождала привычку и любовь к чтению, обладающие этой чертой предки передали ее потомкам:

> Вообще, я знаю, что до революции все дети еврейской национальности были грамотны, они все обязательно проходили школу, хедер, и бабушка в том числе. А вот по-русски читать она научилась только в 52 года. Читала она много, она очень любила читать, сидя у окна с очками на носу, со скамеечкой под ногами[67].

> У нас топили печку шелухой от подсолнечника. [...] И мы с ней [бабушкой] часами сидели и сыпали в печь эту шелуху. [...] И она вот в это время рассказывала мне эти библейские истории. [...] Знаю, что она была верующая, и она была очень начитанная [...] она у меня привила интерес к чтению литературы...[68]

С другой стороны, он являлся частью идеала «культурности», сформулированного советской пропагандой 1930-х годов в контексте проекта по созданию «нового человека»[69] и сохранявшегося в последующие десятилетия[70]. Понятие культурности составляли различные бытовые, поведенческие, идеологические и духовные компоненты: от личной гигиены и новых стандартов потребления до борьбы с «языковым бескультурьем» и политической бдительности; чтение[71] поощрялось в рамках двух

67. Кагосова Луиза Абрамовна, 1939 г.р., Халкалаки, Грузия; зап. в Киеве.

68. Гонопольский С. Н.

69. О концепте «культурности» см.: *Fitzpatrick Sh.* The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992. P. 149–182; *Волков В. В.* Концепция культурности. 1935–1938 годы. Советская цивилизация и повседневность сталинского времени//Социологический журнал. 1996. № 1/2. С. 194–212; а также локальные исследования того же феномена по тем же параметрам, например: *Климочкина А. Ю.* Бытовая культура советских горожан в 1930-е годы//Вестник СамГУ. 2006. №10/1 (50). С. 86–93.

70. «И хотя это движение официально не возрождалось после войны, многие культурные императивы продолжали реализовываться на повседневном уровне и в 50-х годах, превращая нормы культурной жизни в обыденные привычки. Когда это произошло, о культурности попросту забыли как о привычном и продолжали говорить в основном о культуре» (*Волков В. В.* Указ. соч. С. 211).

71. «Книга должна явиться могущественнейшим средством воспитания, мобилизации и организации масс вокруг задач хозяйственного и культурного строительства»

компонентов — расширения кругозора и правильной организации досуга, подразумевающей, помимо чтения — в том числе и в библиотеке, посещение концертных залов и театров, занятия спортом, выезды на природу. Информанты нередко рисуют картину своего досуга, соответствующую этим приоритетам; иногда, очевидно, это результат их естественных вкусов и потребностей, возможно, привитых с детства; иногда, как кажется, несколько идеализированное описание, демонстрация «правильности», а возможно, плод систематического самовоспитания («старался привить себе...»). Культурный досуг, включающий чтение и покупку книг, — также обязательная часть воспитания детей:

> Весь южный берег Крыма мы объездили и сфотографировали. А потом, когда я ездил на курорт в Минеральные воды, то тоже брал их [детей] с собой. [...] Я старался привить сыну, жене, себе любовь к природе и прекрасному. Много читали, выписывали много журналов и друзья у нас были интересные. [...] А потом стала всеобщим увлечением подписка на толстые журналы. И жена так старалась их достать, что мы иногда отказывали себе и в пище, чтобы что-то купить из книг. [...] Сын рос очень начитанный...[72]

Источник книг — библиотека — важнейший культурный локус в жизненных нарративах советских евреев. В детских воспоминаниях фигурируют домашние библиотеки, преимущественно, дедушек и отцов, в юношеских — к ним добавляются публичные, которые доминируют и в воспоминаниях о зрелых годах (1930–1950-е годы — время расцвета советских публичных библиотек, исполнявших как свою прямую функцию, так и функцию клуба — при дефиците других дивертисментов[73]), и, наконец, в эпоху еврейского возрождения, в 1990-е годы, появляются библиотеки «Хеседов»[74] и иных еврейских организаций. Иногда эти «поколения» библиотек перетекали одно в другое:

(Постановление ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 года «Об издательской работе»//Красный библиотекарь. 1931. N 6. С. 2).

72. Гонопольский С. Н.; см. также: Жорницкий Е. Ш.

73. См. о советских массовых библиотеках в этот период: *Добренко Е. А.* Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. С. 152-167.

74. Название или часть названия еврейских благотворительных центров, созданных в 1990-е годы во многих городах б. СССР (*хесед* — «милосердие»).

Вы еще застали в живых библиотеку вашего дедушки-раввина?

Нет. [...] Она была сдана в библиотеку Академии наук где-то после смерти раввина, а может, еще и при жизни, где-то в 1926–27 году[75].

У отца была великолепнейшая библиотека, он был большим книголюбом, и именно книги сделали его человеком. [...] [В эвакуации] мы жили в довольно добротном купеческом городе Сердобске, в котором была прекраснейшая библиотека. Причиной этого, скорей всего, являлась конфискация многих частных библиотек[76].

Уезжая в Израиль, он [друг] мне дал большую библиотеку еврейских книг еврейских писателей. Себе я оставила несколько еврейских книг, а остальное я отдала в еврейскую библиотеку нашего общества. [...] Я к этим книгам как к святыне отношусь[77].

Многие информанты или их родственники, преимущественно женщины, работали в библиотеках; эта работа имела высокий социальный статус, причисляла к интеллигенции — в собственных глазах и глазах окружения:

Мои тетушки пели в знаменитом хоре Леонтовича. Одна из них была заведующей украинской библиотекой. [...] Они считались интеллигенцией и к ним все прислушивались[78].

Сами библиотекари и библиографы говорят о своей деятельности с заметным самоуважением:

В 1947 году я окончила институт и поступила на работу в областную научную библиотеку. С 47 года и по сегодняшний день я работаю в этой библиотеке[79].

75. Дробязко Лев Евгеньевич, 1937 г.р., Москва; зап. в 2001 г., Киев.
76. Розина Лариса (Клара) Александровна, 1931 г.р., Киев
77. Гельфер И. М.
78. Жорницкий Е. Ш. См. также: Розенберг Р. М.; Шабад Рахиль Давидовна, 1918 г.р., Екатеринослав; зап. в 2004 г., Москва.
79. Трахтенбройт Б. С.

> Я так обожала свой мединститут, в котором я работала, была заведующим библиографическим отделом[80].

> Я был главным библиографом. [...] Я спал четыре часа в сутки, потому что приходил с горой книг, читал, знакомился. [...] Была исключительно интересная работа! Я могу гордиться: я проработал в библиотеке 52 года и 52 года я каждое утро с удовольствием шел на работу. Это не у всех получалось[81].

Оценка этой профессии меняется уже в следующем поколении — поколении детей информантов, когда зарплата бюджетников-библиотекарей становится оскорбительно низкой:

> А дочь была по разным библиотекам. И в детской и не в детской. Последние 7 лет она работала в медицинском институте. [...] Когда ее зарплата стала равняться той сумме, которую она тратила на поездку в автобусе и обратно, она бросила это дело, хотя она работала зав. профессорским залом[82].

«Тору прочел два года назад с большим удовольствием»

При всей интернационализации культурного горизонта и круга чтения, еврейская идентичность до перестройки проявлялась, безусловно, но скорее, в плане национально-политическом, чем культурно-религиозном: собирали «библиотеку русских классиков еврейской национальности»[83], интересовались Израилем, читали «Исход» Леона Юриса[84], в отсутствие подходящей литературы вырабатывали навыки использования враждебного дискурса — чтения между строк:

> Он [муж] покупал всякие книжки «Осторожно, сионизм», внимательно их прочитывал и брал некоторые фразы, типа « ...считают, что якобы они...», и вырезал оттуда весь мусор, типа «якобы». Тогда

80. Шпитальник Сарра Соломоновна, 1928 г.р., Кишинев; зап. в 2004 г., там же.
81. Фельдман В. С.
82. Молодецкий Б. Г.
83. Шапиро Н. И.
84. Дробязко Л. Е.

> фраза имела совсем другой смысл. [...] Так он получал информацию об Израиле. Еще он брал газеты, где нас там ругали, тоже вырезал и между строк понимал, как на самом деле идут дела[85].

Ситуация изменилась с началом еврейского возрождения на постсоветском пространстве в 1990-е годы: реанимировалась — или, скорее, заново начала воспитываться — религиозно-культурная идентичность, и Тора вернулась на книжные полки — по крайней мере, хеседовских библиотек. Многие информанты отмечают, что начали читать Тору «совсем недавно», «два года тому назад», «на пенсии», «когда возникла независимая Украина»[86], некоторые рефлексируют изменение своих еврейских интересов по сравнению с советским периодом:

> Рассказывала бабушка и библейские истории. Теперь, уже в середине 1990-х, я сам прочел эти истории в Библии. Раньше меня это не интересовало. Хотя все, что происходило в Израиле, нас всегда интересовало, и мы радовались успехам и победам[87].

Возрождение строилось на других опорах, нежели угасающее подпольное соблюдение в советское время; если тогда ключевыми понятиями были: семья, приватность, запреты, традиционная кухня, — то в 1990-е ими стали: общинность, публичность, позитивные заповеди и новые ритуальные блюда[88]. Традиция не столько возрождается, сколько импортируется, и книги, участвующие в религиозном возрождении, это не те Библии, что были в дедовской или отцовской библиотеке: те, скорее всего, утрачены, а в Хеседе «дают»[89] «новую» Тору и молитвенники. И отношение к ним у секуляризованных пожилых евреев, как правило, далеко от традиционного: они находят ее «приятно читаемой», относятся к ней как «к великолепнейшему литературно-историческо-

85. Розина Л. А.

86. См. Стельмах Григорий Исаакович, 1939 г.р., Чернобыль; Кантор Х.; Лернер Зельда Ароновна, 1932 г.р., Славута; зап. в 1997 г., Славута; Гольдбаум Ш. С.; Розенберг Р. М.

87. Жорницкий Е. Ш.

88. См., например, о замещении традиционного восточноевропейского ханукального блюда — картофельных оладий (*латкес*) — израильскими пончиками (*суфганийот*): *Амосова С., Каспина М.* Евреи и славяне: детские воспоминания о зимних праздниках//Лехаим. 2010. № 12. С. 26.

89. Шифф Морис, 1931 г.р., Таллинн; зап. в 2006 г., там же.

му труду», как к художественной литературе «высшего уровня», «очень познавательной книге»[90]. Некоторые, впрочем, испытывают большее воодушевление, а главное — примеряют библейские сюжеты и образы на себя, то есть воспроизводят суть традиционного еврейского отношения к Торе: Тора всегда актуальна, всё, происходящее в современности, — лишь реновация библейских архетипов:

> Нас зовут: его Исаак, а меня Римма, что значит Рива. А Рива это Ревекка. Вот, когда мы стали читать Библию, *а мы ее стали читать не так рано*, мы пришли к выводу, что мы потомки библейских Исаака и Ревекки. [...] поскольку у нас союз дружный и мы уже 50 лет женаты, значит, это не случайно и это благословение. Мы не религиозны, но есть какой-то такой момент[91].

Связь времен, разумеется, не могла прерваться полностью, и у некоторых информантов свежее знакомство с Библией вызывает довоенные воспоминания, проступающие сквозь пелену толщиной в несколько десятилетий: «когда читают главу Торы в Хеседе» — «из закоулков памяти ко мне приходят рассказы деда»[92].

От «конституции» к «воображаемой книге» и ее развиртуализации

В ситуации деградирующего криптоиудаизма советского времени Библия и религиозная книжность постепенно теряют свое главенствующее положение в культуре и значение для идентичности.

Еврейское сообщество из сообщества «книжников», читающих священные книги и чтущих Тору как своего рода конституцию, превращается в так называемое «текстуальное сообщество» (термин Брайана Стока[93]): большинство не читает и не способно читать священные книги (еретики, описанные Стоком, без/малограмотны; советские евреи не владеют релевантным языком), кроме

90. Там же; Дусман Леонид Моисеевич, 1930 г.р., Одесса; зап. в 2003 г., там же; Кантор Х.

91. Розенберг Р. М.

92. Рысина А. Г.; Стельмах г.И.; Школьник Михаил Янкелевич, 1927 г.р., Хотин; зап. в 1998 г., там же.

93. *Stock B.* Listening for the Text: On the Uses of the Past. Baltimore: John Hopkins UP, 1990.

того, их попросту нет (запрещены, уничтожены). Благодаря отдельным знатокам, представителям старшего поколения, и отдельным экземплярам сохраняется память об этих книгах, прежде всего, Библии, благодаря которой она — хотя и почти заочно — сохраняет свое значение авторитета; в частности, к ней — иногда ложно — возводят всякие нормы и поверья.

Сообщество довольствуется суррогатами (переводами Библии на другой язык и пересказами, теряющими в сакральности, полноте и точности), Библия бытует теперь как «воображаемая книга», о которой знают и помнят, но к которой нет доступа и в реальности ее как бы и вовсе нет[94]. Соответственно, священные книги перестают быть стержнем криптоиудейской традиции, идентичности и социума (который постепенно перестает быть «текстуальным сообществом»), их место занимают другие компоненты: запреты (как наименее заметные и наименее трудоемкие), обряды, особенно праздничные, особенно их кулинарная составляющая (мы имеем дело с «женской религией»), а также объединяющая общая угроза — народный и государственный антисемитизм — и общая, пусть внешняя, надежда и утешение в этом мире — Израиль. «Еврейское возрождение» 1990-х годов, появление новых еврейских институций и восстановление религиозной жизни возвращают пожилым[95] постсоветским евреям Тору, но значение ее далеко от прежнего: она становится для них одним из компонентов еврейского опыта наряду с праздниками в «Хеседе», еврейской прессой, Шолом-Алейхемом и новостями из Израиля, то есть, по сути, компонентом факультативным.

94. См. об этом понятии: *Мельникова Е.* «Воображаемая книга»: очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб.: Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2011.

95. «Апроприация» Торы их детьми и внуками, рожденными после войны, — отдельная тема, на которую наши источники практически не проливают свет. Спекулятивно можно предположить, что их восприятие и освоение еврейской религиозной книжности отличалось от описываемого нами по целому ряду причин: отсутствие прежнего опыта (мы не берем в расчет семьи практикующих криптоиудеев, прежде всего, хабадников, см. прим. 9), более активная жизненная позиция и большая готовность к переменам, иная степень вовлеченности в религиозное возрождение 1990-х, иной тип участия в программах еврейских организаций, несколько иной культурный бэкграунд, иная степень критики советской идеологии. Исследование этой темы (вкупе с другими, прежде всего, стратегиями миссионерской деятельности движения Хабад Любавич), возможно, поможет ответить на вопрос, почему на постсоветском пространстве из всех течений иудаизма возобладала ультраортодоксия.

Библиография

Амосова С., Каспина М. Евреи и славяне: детские воспоминания о зимних праздниках//Лехаим. 2010. № 12. С. 24-28.

Белова О.В. «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды. М.: Индрик, 2004.

Волков В.В. Концепция культурности. 1935–1938 годы. Советская цивилизация и повседневность сталинского времени//Социологический журнал. 1996. № 1/2. С. 194-212.

Добренко Е.А. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997.

Зеленина Г. «Жиды проводят агитацию»: религиозные практики советских евреев в годы войны//«Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. ст. М., 2012. С. 143-164.

Зеленина Г.С. «Цирк, который многим стоил жизни»: обрезание у советских евреев и его последствия в годы войны//Религиоведение. 2012. № 2. С. 56-67.

Климочкина А.Ю. Бытовая культура советских горожан в 1930-е годы//Вестник СамГУ. 2006. №10/1 (50). С. 86-93.

Мельникова Е. «Воображаемая книга»: очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб.: Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2011.

Панченко А.А. Спиритизм и русская литература: Из истории социальной терапии//Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М., 2005. С. 529-540.

Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006.

Fitzpatrick Sh. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992.

Stock B. Listening for the Text: On the Uses of the Past. Baltimore: John Hopkins UP, 1990.